

КРАСОТА В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ АЛЫМОВА

Чжан Цзиньпин

Аспирант, Государственный университет просвещения
653731349@qq.comBEAUTY IN THE POETRY
OF SERGEY ALYMOV

Zhang Jinping

Summary: This paper is devoted to the analysis of Sergey Alymov's poetry, with an emphasis on the key themes of his lyrics - tenderness, beauty, love. It also reveals the role of dreams in creating the artistic world of S. Alymov. The purpose of the research is to reveal how the key themes of the poet's lyrics are embodied in his work, forming his unique aesthetic semantics, and demonstrating the rich spiritual world. To achieve this goal, the following tasks were solved: 1) to analyze the symbolism of tenderness as a core element of Alimov's lyrics in the context of the relationship of this feeling with the image of love; 2) to explore the interrelation of themes of beauty, love and dreams in the poet's poetry, paying attention to their stylistic design; 3) to reveal how musical elements, sounds and images form the polyphony of S. Alymov's artistic world. The analysis revealed that Alymov creates a multifaceted world in his poetry, where beauty, love and dreams intertwine, giving birth to works filled with tenderness, strength, and life-affirming energy. His poems are meant to awaken in the reader bright feelings and admiration for the world around them.

Keywords: literature of the Russian diaspora, Harbin, Sergey Alymov, beauty, tenderness, musicality, symbolism.

Аннотация: Данная работа посвящена анализу поэзии Сергея Алымова, с акцентом на ключевые темы его лирики - нежность, красоту, любовь. Выявляется также роль грёз в создании художественного мира С. Алымова. Цель исследования - раскрыть, как ключевые темы лирики поэта воплощаются в его творчестве, формируя его уникальную эстетическую семантику и демонстрируя богатый духовный мир. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: 1) проанализировать символику нежности как стержневого элемента лирики Алымова в контексте взаимосвязи данного чувства с образом любви; 2) исследовать взаимосвязь тем красоты, любви и грёз в поэзии поэта, обращая внимание на их стилистическое оформление; 3) выявить, как музыкальные элементы, звуки и образы формируют полифоничность художественного мира С. Алымова. В процессе анализа выявлено, что Алымов создает в своей поэзии многогранный мир, где красота, любовь и грёзы переплетаются, рождая произведения, наполненные нежностью, силой и жизнеутверждающей энергией. Его стихи призваны пробуждать в читателя светлые чувства и восхищение окружающим миром.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Харбин, Сергей Алымов, красота, нежность, музыкальность, символизм.

Введение

Знаковой фигурой поэзии русского зарубежья является Сергей Яковлевич Алымов, творчество которого «известно всему Дальнему Востоку» [12]. В истории русского литературного Харбина С.Я. Алымов оставил самый яркий след. Находясь в эмиграции в Китае с 1917 по 1926 год, «Алымов слыл кумиром харбинской молодежи» [14, с.7]. Он не только писал прекрасные стихи, но и издавал журналы на русском языке, что не только объединило «творческие силы Русского зарубежья» [5, с.11], но и приносило им, потерявшим родину, духовное утешение.

Творческий путь Сергея Алымова принято делить на два ключевых этапа: «ранний» период (период эмиграции в Харбине), охватывающий 1917–1926 годы, и «зрелый» период, продолжавшийся с 1926 по 1948 год (период его возвращения в Советский Союз). Эти два этапа характеризуются явными различиями в стиле и тематике произведений поэта. Но если творчество «позднего Алымова» довольно хорошо известно (после возвращения из эмиграции он, в основном, прославился как советский поэт-песенник, на стихи которого создавали своих музыкальные произведения известные композиторы

того времени, среди которых М. Блантер, И. Дунаевский, А. Новиков и др. [15, с. 25]), то ранний период творчества Сергея Алымова на сегодняшний день остается малоизученным и фактически неизвестным широкому кругу читателей.

Среди работ, посвященных литературной деятельности Сергея Алымова, в том числе и «харбинского периода», следует отметить исследование Т.Ф. Жаворонковой «Жизнь и творчество Сергея Яковлевича Алымова» [3], коллективную монографию «Русский Китай и Дальний Восток», в которой дается характеристика книги С. Алымова «Киоск нежности» [15]. Об С. Алымове упоминают в своем исследовании, посвященном художественному миру русского Харбина, А.А. Забияко и Г.В. Эфендиева [4]. Однако, детальный анализ отдельных стихотворений Сергея Алымова и поэтики его произведений харбинского периода представлен только в работах последних лет, среди которых особенно следует отметить исследования Е.О. Кирилловой [7; 8; 9]. Но, несмотря на имеющиеся исследования, романтическая поэтика С. Алымова, которая тесным образом связана с его харбинским периодом творчества, до сих пор не получила исчерпывающего освещения в исследовательской литературе. В связи с этим в настоящем исследовании

внимание фокусируется на раннем периоде творчества Сергея Алымова, а именно - на произведениях, опубликованных поэтом в Харбине, о которых он никогда не упоминал после возвращения на Родину и которые никогда ранее не публиковались. Именно «харбинские» стихотворения С. Алымова сегодня представляют особый интерес, особенно в контексте изучения литературы «русского зарубежья».

Материалы и методы исследования

Основным материалом для настоящего исследования послужили поэтические произведения Сергея Алымова, опубликованные в Харбине в период его эмиграции (1917–1926 гг.). Особое внимание уделяется сборнику «Киоск нежности», а также другим стихотворениям этого периода, которые, согласно имеющимся сведениям, впоследствии не переиздавались и не упоминались автором.

В процессе анализа поэтических произведений С. Алымова использовались следующие методы исследования:

- биографический метод (для установления связи между жизненным путем поэта (особенно в харбинский период) и тематикой его ранних произведений);
- текстуальный анализ (для выявления ключевых образов, мотивов, символов, формирующих идеал красоты в поэзии Алымова);
- стилистический анализ (для изучения особенностей поэтического языка С. Алымова, способствующих воплощению авторского идеала красоты);
- герменевтический метод (направлен на глубокое понимание сущности литературного произведения, его контекста и значения образов).

Результаты и обсуждения

В первый, эмигрантский, период Сергея Алымова, когда он жил в Харбине, его поэзия несла в себе романтическое начало. Поэт воспевал в своих творениях любовь, нежность, красоту. Этому есть объяснение. Харбин в те годы отличался ярко выраженным русским колоритом, поскольку служил убежищем для беженцев из России, которые после революционных потрясений, произошедших в России, оказались в Китае. Этот китайский город, ставший центром русской эмиграции первой волны и имеющий «самую высокую концентрацию русского населения» [11, с.23], отчего его называли восточным Петербургом» [1, с.51], «дал возможность русским беженцам после революционного апокалипсиса пожить иллюзией о прежней России, воплотив в себе на короткое время миф о золотом веке» [4, с.20]. В уникальную атмосферу «русского Харбина» и вписалось творчество С. Алымова, который отражал в своих произведениях эмоции и чувства тех, кто «волею судеб» оказался отрезан от родины.

1. Любовь, нежность и красота в поэзии Сергея Алымова

Нежность выступает стержневым элементом лирики Сергея Алымова. Поэт мастерски использует разнообразные приемы для выражения своего понимания этого чувства, которое в его стихотворениях окружено своеобразным «ореолом святости». У Алымова темы красоты и любви тесно переплетаются. Любовь наполняет внутренний духовный мир поэта, становясь той вершиной, к которой он стремится. Сергей Алымов воспевает любовь, используя целый арсенал выразительных средств, помогающих ему в создании собственной «Библии любви». Восхваляя любовь, он не только себя согревает этой идеальной, любовью. Любовь, воспеваемая им, задевает и души читателей, пробуждая в них нежные чувства.

Красота и нежность в поэзии Алымова неразрывно связаны с любовью: «*В туманный этот час приходит Красота, / В опаловом плаще по улицам пустынным – / И, как моей тоски нежнейшая мечта, / Ей светят фонари цветной гирляндой длинной*» [2, с.50].

Как видим, Красота в духовном мире Алымова персонафицирована, о чем говорит не только ее упоминание в поэтическом тексте с заглавной буквы, но и олицетворение этого абстрактного понятия с человеком: красота ходит в плаще «по пустынным улицам» и ловит на себе свет фонарей.

Но образ Красоты у Алымова соотносится не только с образом человека. Для поэта Красота — это и печаль, и «нежнейшая мечта», и постоянно бьющееся от избытка чувств сердце. В одном из дневников «харбинского периода» С. Алымов так комментирует появившийся в его сознании образ Красоты: «В густом тумане она шла ко мне. Эта сцена была похожа на сон, который появлялся бесчисленное количество раз. Уличные фонари светились слабым желтым светом. Все было так неясно, так пасмурно и дымно. Казалось, Красота сошла с небес. Свет уличных фонарей осветил ее тело, удлинив фигуру, в этот момент она и упала - с неба, как ангел. И мне пришлось снова обратиться к моей «Библии любви», чтобы снова и снова восхвалять Красоту» [14].

В стихотворении «Город на рассвете» [2, с.64–66] Сергей Алымов раскрывает нежность, наполненную жизненной силой. Город пока еще спит Погруженный в нежность сна, он предается грезам. И вдруг- «*Пролетка робко прогремела, / Не разбудивши мостовые*». Это несмелое движение пролетки, которая старается сохранить тишину, подчеркивает общую атмосферу просыпающегося города, который восстает от сна в сопровождении нарастающего шума. Но люди не хотят

пробуждаться, жадно цепляясь за иллюзорную нежность и счастье, обретенное в грезах. Они изо всех сил сопротивляются грядущей реальности, о чем говорят следующие строки: *«Люди, испуганно ждущие видений, / Спрятаны домами и объаты снами»*. На первый взгляд кажется, что поэт, описывая яркий переход города от сна к жизни, свойственный весне и рассвету, заглядывает в будущее, пронизывая стихотворение робкой надеждой, появившейся на горизонте. Но, с другой стороны, если обратиться к более глубокому контексту, то данное стихотворение наполнено щемящей тоской.

В дымке предрассветного утра, наполненного тишиной и покоем, по улицам, окутанным серым туманом, одиноко бредет *«бездомный поэт»*, жаждущий любви. И на трепещущей заре он встречает *«прекрасную незнакомку»*: *«Кто эта женщина в узко обтянутом платье, /... / Кто подарил ей и взял ее острые ласки?»*

В ожидании рассвета любовь лавиной накрывает поэта, и он покорно принимает нахлынувшее на него чувство, которому готов отдаться безраздельно. Ему кажется, что огонь любви никогда не погаснет. *«Я обнял ее, как грезу, тихо без желаний. /... / Что-то новое входило в нашу жизнь с Востока»*.

На фоне солнца, которое еще только начинает освещать пробуждающийся город, два трепещущих сердца начинают сближаться, ощущая полное взаимопонимание. Несмотря на мимолетное знакомство, любовь уже постучалась в их души. Мужчина и женщина, охваченные любовью, напоминают две юные пальмы, склонившиеся *«над городом тихим и сонным, / В жемчужной оправе рассвета...»*.

На пустынной утренней улице два сердца, трепещущие от холода и одиночества, сближаются, как две дрожащие, но крепкие пальмы. Крона дерева чуть нагнулась, и тела двух одиноких людей, повторяя ее движение, начали склоняться друг к другу, охваченные нежным порывом. В этот момент они дарят друг другу тепло и нежную ласку. С наступлением утра, когда город начал пробуждаться, два сердца продолжают мечтать, увлекая друг друга в свои прекрасные, полные нежности, сны. Так, в этом спящем, окутанном серым туманом, утре, зарождается чувство, называемое любовью.

Поэт обладает редким даром создавать грёзы, погружая читателя в мир, где любовь является единственным действующим лицом. Именно любовь – то, чего жаждет сам автор, – дарует ему чувство безопасности. В этом предрассветном городе, где царит тишина и в бледном свете появляются первые очертания пробуждающейся жизни, встречаются два молодых, одиноких, блуждающих сердца. Их любовь резонирует с пробуждающимся

городом, который становится неотъемлемой частью и главным смыслом чувств поэта в этот предрассветный час. Его любовь – подобна росе, в которой отражаются первые лучи солнца.

В городе, созданном фантазией поэта, все живет мечтой. При этом мечты жителей, как и мечты самого города, не рассеиваются с наступлением рассвета и восходом солнца. Напротив, они окрашиваются яркостью солнечного света, обретая ясность и полноту чувств. У города есть своя мечта, как есть мечта и у каменного моста, и у пальм, и у самого поэта. В конечном итоге, все сны сливаются в единую мечту, мечту рассвета, – прекрасную, ясную, робкую и трепетную мечту, которую мы называем любовью и которая устремляется в небо.

Грёзы занимают особое место в поэзии Сергея Алымова, и данное стихотворение служит ярким тому подтверждением. Поэт выступает здесь как художник и фотограф одновременно, превращая грёзу в осязаемый образ, как на живописной композиции, где изображены одинокий бродячий поэт и группа ищущих утешения женщин – таких же одиноких и печальных, которые сидят на скамейке под пальмами, прижавшись друг к другу.

Так и на картине, созданной поэтом. Нежные нити солнца, струящиеся с востока, пронизывают сцену золотым светом. Вместе с мечтой, грёзой приходит и любовь, согревающая и утешающая всё вокруг. Серый утренний туман рассеивается, уступая место двум пальмам, кроны которых, словно в безмолвном порыве, медленно склонились к поэту.

«Город на рассвете» – лирическое стихотворение, посвященное любви. Можно сказать, что это произведение наполнено солнечной энергией и несет в себе жизнеутверждающий смысл. Благодаря нежной мощи поэтического слова оно дарит людям жизненную силу и надежду, подобно пробуждающемуся городу и рассвету. Источником этой нежной силы является, прежде всего, обостренное чувство прекрасного, которым обладает поэт. Его зоркий глаз способен видеть красоту, а душа, наполненная любовью, постоянно открывает новые источники вдохновения и счастья, где бы он ни находился.

«Авлятнахулицсерых, / Есть счастье не пропетое», – пишет С. Алымов [2, с. 60]. Город, все вокруг него и весь мир прекрасны в глазах автора. Даже в светлых пятнах на серых улицах, которые трудно назвать красивыми, поэт замечает еще не воспетое счастье. Поэт искренне любит и ценит окружающий его прекрасный мир. Он любит цветы, деревья, белые облака и солнечный свет, любит прохладный воздух по утрам и красивую женщину, дрожащую от холода в предрас-

светном тумане. Эта любовь делает его счастливым, и свое счастье он переносит на бумагу, которая случит источником, использованным для выражения красоты и стремления к ней.

2. Цветы как символ выражения красоты

Среди многообразия художественных средств, используемых Алымовым, особое место занимают цветы, через которые он выражает свои внутренние переживания и духовные искания. В его лирике часто встречаются образы ландыша, жасмина, цветущей сливы, розы, сирени, фиалки, гортензии и других цветов. Цветы для Алымова являются символами красоты и нежности, которые переполняют сердце поэта, а также воплощением любви. В его поэзии флора - ключевое средство выражения эстетической семантики.

Обращение Алымова к цветовой символике не случайно, а коренится в богатой русской литературной традиции, где флора всегда играла важную роль. Харбин - город, в котором преобладал русский архитектурный стиль и на улицах благоухали «русские» деревья, кустарники и цветы - стал в сложное для поэта время «потери родины» «островом спасения» от тоски.

Алымов всегда глубоко чувствовал природу. Цветы в его творчестве — это не просто символы красоты, но и верные спутники его духовного мира, дарящие поэту постоянный душевный комфорт. Любовь поэта к цветам настолько сильна, что они порой становятся олицетворением его души, как в следующих строках: *«Вся моя душа, как ландыш, в зимостужу расцвела!»* [2, с.115].

Цветы в поэтическом творчестве Алымова часто выполняют роль посланников. Поэт зачастую обращается к своей возлюбленной, используя образы цветов: *«Ваша кожа пахнет сладко, как черемухи цветы, / И поэтому зову Вас я черемуховой Мисс...»* [2, с.115].

Алымов мастерски наделяет каждый цветок уникальной символикой, чтобы передать весь спектр своих эмоций. Так, символом любви у него являются розы, что вполне естественно в контексте европейской культурной традиции. *«Новый год – амур в собольей шубке, / В колпаке из ландышей и роз. / Ты невидим – и соседку в губки, / За тебя целую я взасос»* [2, с.83].

Помимо ассоциации цветов с общим образом возлюбленной, Алымов нередко прибегает к цветовой символике для описания телесной красоты. Так, в стихотворениях «Генриэта» и «Руки» он сравнивает губы с гвоздикой, подчеркивая тем самым их нежность и аромат. *«Твой рот мгновенно вспыхнул страстью томной. / Гвоздику кто в твой рот тогда воткнул?»* («Генриэта») [2, с.123]. *«Твой рот – безгрешные детские сказки, / Гвоздика на волчьих снегах»* («Руки») [2, с.166].

В стихах Алымова, помимо роз, сирени, лилий и других цветов, особое место занимает жасмин.

Для поэта до конца его дней жасмин оставался незыблемым символом чистоты и вечности, а также цветком, наиболее полно отражающим его любовную семантику. В стихотворении «Любовь на час» Алымов напрямую отождествляет возлюбленную с жасмином. В его глазах она предстает белой и чистой, как сам жасмин. Ее трогательная улыбка - подобна образу из строки *«Цветы жасминов целовал хрусталь»*. В поэзии Алымова возлюбленная часто появляется и исчезает, окутанная ароматом жасмина. В этот момент цветы жасмина сливаются с ее образом, становясь его неотъемлемой частью. Строки *«Она, смеясь, умело обнажилась... / (Цветы жасминов целовал хрусталь). /... / Она склонилась медленно к жасмину, / И так же взглядом кинула: Прощай»* [2, с.59] ярко иллюстрируют это слияние.

Для Алымова цветы — это не просто средство выражения его философии любви и эстетической семантики, но и живое воплощение его духовных исканий. *«Пора покоя скинуть власть: / Мечтавший долго любит злее. / Спешите насладиться властью! / К цветам идите по аллее»* [2, с.112].

Для Алымова цветы — это воплощение красоты и нежности. Это те маяки, к которым он устремляется, и тот духовный берег, что манит его.

Цветы олицетворяют красоту, беспокойность и нежность в сердце Алымова. Это то, к чему он смело стремился, и духовный берег, которого он хочет достичь [10, с.287].

3. Музыкальность в поэзии Сергея Алымова

Поэзия Алымова не только символична, но музыкальна. Прямо или косвенно, но музыка заполняет собой весь его поэтический мир. Музыкальность стихов Алымова — это глубинная основа той нежности, которая пронизывает каждое его произведение. Сочетание музыкальных мотивов, звуковых выражений, богатство цветовой палитры сплетаются воедино, создавая удивительную гармонию в поэтическом мире Алымова. Как отмечает Е.О. Кириллова, его стихи «отличаются изумительной музыкальностью, благозвучием, утончённой, изысканной прелестью слова» [8, с.115].

На страницах поэтического сборника «харбинского» периода можно найти большое количество образов музыкальных инструментов. В стихах Алымова звучат:

- шарманка: *«С варварским свистом играет шарманка»* [2, с.78].
- флейта: *«Ничего... только шорохи флейтно - вдумчивой страсти. / Только тонкие контуры прихотливо-изящные...»* [2, с.123].

- арфа: «*Все море – арфа грозная, / Гирлянда бело-розовая*» [2, с.129].

Алымов – истинный ценитель искусства во всех его проявлениях. Он не только был превосходным поэтом, но и страстно увлекался музыкой, живописью и другими видами творчества. Читатели видят в нем одновременно и заботливого садовода, выращивающего в своем саду прекрасные цветы, и дирижера симфонического оркестра, который мастерски управляет множеством музыкальных инструментов, создавая в своих стихах настоящие поэтические симфонии. По мысли Е.О. Кирилловой, «музыкальными мотивами пронизана вся лирика поэта» [9, с.207].

Чувство гармонии и нежности, порождаемое музыкальностью, особенно ярко проявляется в цикле стихотворений под названием «Фиалковая симфония».

В этом цикле Алымов обильно использует музыкальные термины и обращается к творчеству многих артистов, что не только обогащает художественное звучание всего цикла, но и демонстрирует богатый творческий потенциал поэта, его художественный талант и силу метафорического мышления. Примером тому служат строки: «*Виоле Виольной, Виоле фиалковой... / Виоле Шопенной, шаблито – кларетовой, / Не нашей, нездешней, очащей русалково, / Гобои и скрипки симфонии поэтовой*» [2, с.84]. Это произведение – настоящая песнь музыке и любви. В своей симфонии поэт объединил поэзию, боль, нежность и страсть, воплотив их в музыку. Таким образом, музыка в этом цикле стала не только основным содержанием его лирического выражения, но и ключевым средством передачи глубины духовных поисков поэта.

Именно добавление музыки оживляет сад грез Алымова, наполняя мир прекрасных цветов живыми звуками. Подобно божественному творению, поэт усердно возводит для себя духовный очаг в художественном мире своей поэзии – место, где царят лишь нежность, любовь и красота, где нет места страху или одиночеству. Этот очаг приветливо раскрывает свои двери для таких же странников, как сам поэт, приглашая их погрузиться в прекрасную и нежную грезу о весне и красоте, постоянно возрождающейся из пепла, словно птица Феникс. Неудивительно, что Алымов, обладающий столь ярким талантом, был назван «покровителем муз, харбинским Аполлоном» [13], который «восхищается музыкальным искусством любимых композиторов» [3, с.113].

Музыкальность поэзии Алымова проявляется не только в использовании музыкальных терминов и имен музыкантов, но и в оживающем многоголосии звуков. Мы слышим в поэтических строках произведений Алымова не только полифонические звуки природы, такие

как шум дождя («*Кап-кап... кап-кап... стучат дождя капли*» [2, с.102]) и шум волн: («*И с хохотом, / И с грохотом, / С протяжно – медным рокотом, / Бушует демон бурь*») [2, с.129], но и звуки, олицетворяющие женщин, например, звук высоких каблуков: («*Иду от вас утонченной и рыжей, / И в сердце – стук французских каблуков...*» [2, с.98]. Звук французских высоких каблуков создает модный, элегантный и красивый женский образ. «*И потому на тротуаре – / Стон каблука*» [2, с.100]. Поэт использует слово “стон” для описания звука высоких каблуков, что является ярким примером метафоры.

Поэзия Алымова напоминает сад, растут не только цветы, но и звуки, завораживающие своей красотой. Красота пленительных звуков также является неотъемлемой частью эстетической семантики его поэзии.

Заключение

Русское литературное зарубежье в Китае имеет «отечественную интеллектуальную и духовную ценность» [6, с.6]. Сергей Алымов в своих стихотворениях «оказал значительное влияние на тогдашнюю художественную жизнь всего Дальнего Востока, задав тон литературно-поэтической ситуации и породив эстетов-подражателей» [7, с.99].

Анализ раннего творчества С. Алымова позволяет нам увидеть не только его многогранный художественный талант, но и глубокую духовную связь с миром искусства. Сочетание тонкой лирики, богатства символики и мастерского владения, словом, создает уникальное пространство, где музыка, цветы и живопись сливаются в единую симфонию, отражающую искания поэта и его неповторимое видение красоты.

Поэзия Алымова напоминает нам величественный сад, где каждый цветок, каждый звук несут в себе отблеск его души. Творчество С. Алымова, наполненное любовью к искусству и стремлением к гармонии, остается вечным свидетельством силы духа и неиссякаемого таланта.

Алымов – не просто поэт, но художник, творчество которого пронизано любовью ко всему прекрасному. Его способность объединять в своих стихах музыку, живопись, флору, наделяя их глубоким символическим значением, делает его поэзию глубоко символической и многогранной.

Вся поэзия Сергея Алымова — это гимн красоте во всех ее проявлениях, симфония чувств и мыслей, воплощенных в слове. Его творчество, отличающееся глубиной, музыкальностью и богатством образов, остается ценным вкладом не только в русскую, но и в мировую литературу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). – М.: Terra-Спорт, 1998. 543 с.
2. Алымов С.Я. Стихи и песни / Составитель, автор вступительной статьи Таисия Жаворонкова. – Одинцово, 2013. 217 с.
3. Жаворонкова Т.Ф. Жизнь и творчество Сергея Яковлевича Алымова. – Одинцово: ААОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2012, – 208 с.
4. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Четверть века беженской судьбы... (Художественный мир лирики русского Харбина). – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – 428 с.
5. История русской литературы XX века: Учебное пособие для студентов-филологов: в 4-х кн. Кн. 2: 1910-1930-е годы. Русское зарубежье / Л.Ф. Алексеева, А.М. Ваховская, Л.В. Суматохина и др.; под ред. Л.Ф. Алексеева. – М.: Высшая школа, 2012. – 318 с.
6. Их дальний путь лежал в изгнание...: антология-хрестоматия произведений литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока / Сост.: Якимова С. И., Бабкина Е.С., Ковальчук И.Ю. и др. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. – 252 с.
7. Кириллова Е.О. «Обязательнее всех был Алымов»: штрихи к биографии эстета, кандальщика и песняра. Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8. Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко. Г.В. Эфендиевой; пер. На кит. Вн Юйци; пер. На англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2021. – 262 с.
8. Кириллова Е.О. Серебряный век дальневосточной поэзии и «чудесный ребенок непогибшей богемы»: Владивостокско-Харбинские стихи Сергея Алымова. Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8. Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко. Г.В. Эфендиевой; пер. На кит. Вн Юйци; пер. На англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2021. – 262 с.
9. Кириллова Е.О. Темы музыки и любви в творчестве С. Алымова как репрезентация духовно-ценностных ориентиров дальневосточной поэзии Серебряного века. «Научный диалог». №5, 2021. С. 202–224.
10. Крузенштерн-Петерц Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) / Ю. Крузенштерн-Петерц // Рубеж. – № 9, 2009. С. 285–296.
11. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
12. РГАЛИ, фонд 1885, опись № 2, ед.хр. № 70. Л. 33.
13. РГАЛИ, фонд 1885, опись № 5, ед.хр. № 10. Л. 16-оборот.
14. Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М.: Время, 2001. – 720 с.
15. Русский Китай и Дальний Восток. Вып. 2. Возвращенные страницы восточной ветви русской эмиграции. Коллективная монография. – СПб.: Алетей, 2024. – 508 с.

© Чжан Цзиньпин (653731349@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»